

DOI: 10.15372/HSS20200110
УДК 94(47).084

Н.Г. СУВОРОВА

ПОЗДНЕИМПЕРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ОЦЕНКАХ РАННЕСОВЕТСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
РФ, 644070, г. Омск, пр. Мира, 55а

В статье проанализированы опубликованные и неопубликованные труды колонизационных экспертов 1920-х гг. Опыт практической деятельности, разносторонняя научная подготовка позволяла экспертам при разработке проектов планового советского переселения переосмыслить довоенный этап колонизации. Эксперты и исследователи их творчества чаще всего интересовались новациями и перспективами советской колонизации. Критика имперской колонизационной политики с классовых позиций как колонизаторской, русификаторской не умаляла признания эффективности переселенческих структур. Основные элементы критики, как и набор необходимых новаций (переход от переселения к колонизации, регулирование народной стихии, комплексное планирование, отбор колонизатора), были предложены еще на довоенном этапе и предлагались экспертами в качестве завершения неоконченных из-за войны программ. Особые экономические и политические условия реализации раннесоветских колонизационных проектов усиливали общегосударственные приоритеты в ущерб интересам регионов.

Ключевые слова: колонизационные эксперты, колонизация, колонизационные практики, колонизаторство, колония, плановое переселение, окраина.

N.G. SUVOROVA

LATE IMPERIAL COLONIZATION IN ESTIMATES OF EARLY SOVIET EXPERTS

Omsk State University F.M. Dostoevsky
55a st. Mira, 644077, Russian Federation

Based on published and unpublished works of colonization experts, the article identifies and analyzes the estimates of state colonization practices at the late imperial stage. In Soviet and modern historiography, the contribution of colonization experts of the 1920s is evaluated mainly in regard to the planned relocation concept's development. However, their direct participation in the organization, implementation, scientific understanding of the pre-war period of colonization justifies the appeal to their retrospective assessments. The oppositionality, the left-liberal traditions of the officials of the resettlement department explain the critical attitude towards autocratic power. During the early Soviet stage the quantitative and qualitative characteristics of the empire the colonization efforts outskirts were assessed as successful, but not completed due to external factors (revolution and wars). The effectiveness of the resettlement apparatus, the scientific feasibility of colonization programs including the priority of colonization practices over resettlement programs, the regulation of the resettlement flow explain a consistent return to the old principles and programs. Criticism of the pre-revolutionary colonization policy from the class standpoint as imperialist / colonialist Russification did not diminish the effectiveness of resettlement structures and the fruitful contribution of participants to the "active resettlement" matter. The main elements of criticism, as well as the set of necessary innovations (transition from resettlement to colonization, regulating people elements and integrated planning, selection a quality colonizer), were proposed at the pre-war stage by experts as the completion of programs not finished due to the war. Special economic and political conditions for the implementation of early Soviet colonization projects strengthened national priorities to the detriment of regional interests.

Key words: colonization experts, colonization, colonization practices, colonization, colony, planned relocation, outskirts.

Наталья Геннадьевна Суворова – канд. ист. наук, доцент кафедры, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, e-mail: sng19911@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6738-7607>.

Natalya Gennadyevna Suvorova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of PreRevolutionary Russian History and Documentation of Dostoevsky Omsk State University.

ВВЕДЕНИЕ

Для современных исследователей колонизационно-переселенческого дела характерно обращение к раннесоветскому периоду, в рамках которого сформировалась особая программа «планового переселения» [1; 2; 3; 4]. При этом работы «бывших чиновников Переселенческого управления» 1920-х гг. не вполне определенно характеризуются исследователями как «немарксистские», «продолжающие традиции дореволюционной официальной историографии» [5, с. 57]. Советский исследователь Н.И. Платунов позицию чиновников Переселенческого управления относительно методов переселенческой политики царизма определил как критическую, вследствие тесного соприкосновения «с беднейшими слоями сельского населения» и непосредственного наблюдения страданий и бедствий переселенцев [6, с. 36].

Значимость данного периода по сравнению с последующим определяется сохранением «относительной терпимости» и ограниченности конъюнктурного влияния идеологии при обсуждении перспектив советской колонизации, а также ретроспектив дореволюционного переселенческого дела [7, с. 8]. Считается, что советская колонизационная наука как «наука, устремленная в будущее», к прошлому обращалась редко, в основном за оценками экономических результатов переселений для составления прогнозов [7, с. 28]. Однако процессы деколонизации уже освоенных земель в послевоенный период, ограниченные возможности для проведения научно-исследовательских экспедиций в районы водворения возвращают исследователей 1920-х гг. к накопленному опыту и материалам довоенного колонизационного дела.

Цель данного исследования – выявление и характеристика оценок позднеимперской колонизации раннесоветскими экспертами, имевшими дореволюционный опыт службы в переселенческом ведомстве.

Осложняющими факторами для выработки собственной позиции колонизационными экспертами 1920-х гг. являлись кардинальные социально-политические и экономические трансформации, формирующаяся новая официальная идеология, новый научный, политический язык. Переходность и преемственность этой эпохи отражались не только на уровне политических решений, принимаемых властью, но и переосмысления накопленного опыта, отстаивания или отказа от прежних «старорежимных» ценностей и идей или принятия новых советских, быстро меняющихся идеологем. Редко используемый в современной литературе персональный подход, сравнение авторских оценок до и после революции позволяет скорректировать представления о времени и причинах зарождения критического отношения к имперским колонизационным практикам. При этом анализ текстов экспертов с учетом их карьерных биографий поможет уточнить и скорректировать формальные характеристики экспертов как «бюрократов», «империалистов», «колонизаторов», «технократов», «модернизаторов» [8, с. 105 – 149; 9,

р. 151 – 179, 10, с. 340 – 365]. Приписывание экспертам таких групповых качеств, как «сервильность», включенность в колонизаторский дискурс, сочувствие национал-консервативным идеям, требует не предположительной, но фактической аргументации [11, с. 68 – 69].

Традиционная критичность экспертов, опирающихся на научный анализ, владеющих ведомственной информацией, осознающих общественно-политическую значимость переселенческого дела в новых условиях, усиливалась сменой политических режимов, ощущением новизны и возможных позитивных перемен. А.А. Ярилов (1868 – 1948) – эксперт с долгой и успешной карьерой, директор Государственного колонизационного научно-исследовательского института (1922 – 1928), в начале 1920-х гг. писал, что молодость России определяется именно незавершенными колонизационными процессами. Рациональный характер экономических, технических и культурных преобразований обуславливал, по его мнению, ответственность ученых перед новым «государством-хозяином» [12, с. 39]. И он задавался вопросом: «Выдержат ли они предъявленный жизнью экзамен?»

**КАРЬЕРЫ И ТЕКСТЫ
КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ЭКСПЕРТОВ В 1920-е гг.**

Колонизационные структуры в начале XX в. понесли значительный кадровый урон в результате мобилизаций и сворачивания переселенческой деятельности государства. В записке заведующего кафедрой экономики переселения Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства профессора Н.А. Сборовского отмечалось «естественное и насильственное вымирание персонала»¹. Стихийное массовое переселение «голодобеженцев», носившее «характер бедствия», создавало особые условия для переосмысления довоенных усилий государства [13, с. 29].

Сохраняя дореволюционную традицию «научного освоения региона», советское переселенческое ведомство активно привлекало для разработки колонизационных программ наряду с чиновниками внештатный персонал ученых, преподавателей, статистиков, аграрной интеллигенции. Задачи этой группы экспертов заключались в «научном руководстве обследованием территорий, установлении единого плана систематического и всестороннего изучения заселяемых районов»². Их знания о колонизационных практиках не являлись следствием исключительно теоретических размышлений или политических пристрастий, но были итогом «непосредственных наблюдений», опытом, вынесенным в ходе многочисленных служебных поездок, общения в специфическом кругу небюрократического, вполне демократического по составу и взглядам переселенческого ведомства...» [14, с. 164]. Эксперты по-

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 2668. Оп. 1. Д. 137: Докладная записка об организации Переселенческого отделения при земфаке СибИСХЛ. Л. 6.

² Там же. Д. 142. Л. 83.

мимо разработки колонизационных проектов, участия в реализации переселенческо-колонизационных мероприятий играли важную роль в общественных презентациях колонизационного дискурса в прессе, научных и просветительских обществах. Их тексты в формате газетных, журнальных статей, отчетов, проектов законов, аналитических записок не только содержат описание осваиваемого региона (экономический потенциал, направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации), но и задают новые классификации населения, определяя стратегии управления и интеграционные практики.

Многие из бывших имперских экспертов, продолживших службу в советских учреждениях, отличались демократическими и «левыми настроениями» [15, с. 42], имели опыт участия в различных оппозиционных выступлениях (от студенческих волнений и кружков до вполне профессиональной партийной работы), получили статус поднадзорных, ссыльных, «политических фанатиков», их послужные формуляры были «предосудительными» (Н.А. Сборовский («Союз борьбы за освобождение рабочего класса», РСДРП), Н.Н. Баранский (РСДРП), Ф.М. Галинский (РСДРП), В.Р. Берг (РСДРП), С.П. Швецов, Н.П. Огановский (ПСР) и др.). В автобиографиях советского периода эксперты, даже фиксируя беспартийность, отмечали конфликты с царской властью, «репрессии по политическим преступлениям» по отношению к ним, и использовали, как клише-оберег, статус «старый большевик».

Ведомственные издания Наркомзема, Госколониата (Государственный колонизационный научно-исследовательский институт), Сибревкома показывают изменяющуюся географию колонизационных усилий государства и позволяют зафиксировать продолжающиеся колонизационные карьеры экспертов [16, 17, 18]. После революции и во время Гражданской войны центр колонизационных мероприятий и экспедиционной деятельности временно смещается на Европейский Север, который оказался «единственно достигаемым районом с заведомо избыточным земельным фондом» [19, с. 73]. С 1919 г. здесь находился бывший начальник Переселенческого управления Г. Ф. Чиркин – в качестве уполномоченного по обследованию Севера колониального отдела Наркомата земледелия³. В 1922 г., уже пережив первый арест по делу о противодействии изъятию церковных ценностей, он становится членом правления, организатором и начальником колонизационного отдела.

В 1917 г. по его распоряжению в Вологодскую губернию был направлен чиновник особых поручений, уполномоченный Главного управления земледелия и землеустройства в Амурской области Н.К. Шуман⁴.

³ База знаний «Колонизационные эксперты между империей и советской властью». URL: https://github.com/intmainreturn00/imperial_lab/wiki (дата обращения: 01.11.2010).

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 7. Д. 4054. О службе чиновника особых поручений 5 кл. Главного управления землеустройства и земледелия Н.К. Шумана.

К этому времени у Шумана был семнадцатилетний стаж переселенческой службы в Сибири и на Дальнем Востоке и, как уполномоченный, он объединял в своих руках не только все отрасли переселенческого дела, но и управление государственными имуществами и агрономической помощью. Н.К. Шуман еще в 1914 г. предлагал развернутый план «последовательной (или планомерной) колонизации Амурской области», но его реализация осложнялась конфликтом с «местными общественными деятелями», обвинившими чиновника сначала в особых симпатиях к немецким колонистам в ущерб русским крестьянам, а позднее, в дни революции 1917 г., – в недостаточной и неискренней революционности.

В составе Северных колонизационных экспедиций работал заведующий районом по передвижению переселенцев – Ю.П. Иорданский⁵. В Наркомземе и Госколониате делают успешную, хотя и не во всех случаях продолжительную карьеру чиновники бывшего переселенческого ведомства: В.П. Вошинин, А.В. Успенский, И.Л. Ямзин, А.А. Ярилов. Часть экспертов покидает столицы и западные окраины в ходе эвакуации, в том числе государственных и учебных заведений. Следует отметить экспертов, чья карьерная биография не прерывалась в условиях Гражданской войны и включала работу сначала в имперских, а затем в большевистских, антибольшевистских и советских колонизационных структурах (Н.Я. Новомбергский, В.Ч. Дорогостайский, Н.Д. Павлов, С.А. Грузевский, Н.Ф. Жизневский, Г.Ф. Чиркин, Н.К. Шуман и др.). В автобиографиях начала 1920-х гг. ученые не определяли характер власти, которой служили и отношение к ней, что должно было подчеркивать аполитический характер их карьеры. Свою деятельность они позиционировали как «служение делу», работу по специальности «для страны и народа, так как власти в то время казались преходящими»⁶.

Условно хронологической гранью для группы колонизационных экспертов, означающей разрыв с властью, станет изъятие из научного и общественно-политического языка колонизационной лексики, приравнивание ее к бранным и одиозным выражениям [20, с. 910; 21, с. 4; 22, с. 5], начавшиеся репрессии против бывших царских чиновников и аграрной интеллигенции [23]. Супруга бывшего чиновника Переселенческого управления В.П. Вошинина после его ареста писала, что стремление Вошинина «к работе на пользу нового общества, к полному слиянию с ним, к коренной своей переработке не было оценено советской властью ... На пути новой своей дороги он оказался в тюрьме»⁷.

⁵ База знаний «Колонизационные эксперты между империей и советской властью». URL: https://github.com/intmainreturn00/imperial_lab/wiki (дата обращения: 01.11.2010).

⁶ Народный музей истории Омского государственного аграрного университета (НМИ ОмГАУ). Ф. 492. Оп. 2. Д. 4862. Личное дело Н.Д. Павлова. б/нс.

⁷ Из письма Т.А. Ельченковой (жена В.П. Вошинина) Е.П. Пешковой // Заклейменные властью. Услышь их голоса: URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000533.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

В обвинительных приговорах экспертам прослеживается не только продолжение ими профессиональной колонизационной (научной, преподавательской, организационной, административной) деятельности, но и сохранение прежних принципов, взглядов. Ссылаясь на статьи, по которым осуждали ученых, тексты допросов и обвинительных приговоров, даже признавая неправовые условия «следственных процессов», абсурдность выносимых обвинений, все же можно выяснить, что им инкриминировала власть и как это соотносится, если не с практиками осужденного, то с меняющимися идеологическими установками государства.

Ю.П. Иорданского (1883 – 1938), старшего специалиста по колонизации Наркомзема, заместителя начальника северной экспедиции, сначала сошлут на Урал, а после обвинят в создании контрреволюционной группы, которая проводила вредительскую деятельность в системе преподавания. Преподавая географию, он якобы «теоретически обезоруживал студентов», не показывая им «классовой обусловленности географических открытий» [24, с. 6]. Г.Ф. Чиркина обвинят в том, что, «руководя колонизацией в Карело-Мурманском крае, он заведомо искажал ... классовую линию в переселенческом деле, укрепляя капиталистические элементы Карело-Мурманского края, с целью использования их на случай восстания и предстоящей интервенции капиталистическими странами СССР»⁸. Часть экспертов расстреляют в 1930-е гг. (В.Р. Берг, В.В. Барышевцев, Н.В. Билевич, В.Ч. Дорогостайский, Н.Е. Ишмаев и др.), часть – снова арестуют и отправят в ссылку (М.И. Альтшуллер, В.П. Вошинин, Н.П. Огановский, А.М. Ярмош). Продолжение карьеры в 1930 – 1940-е гг. могло означать, что эксперт «выдержал экзамен» и соответствует новому «государству – хозяйину» (А.А. Ярилов – показательно изменение исследовательской лексики в работах А.А. Ярилова: «Ученые “недобитки” капитализма на фронте аграрного вредительства»⁹), Н.Н. Баранский, П.А. Кобозев) или что он успел поменять экспертную деятельность на менее опасную (Н.А. Сборовский, например, откажется от руководства кафедрой, переезжа в Ленинград и будет трудиться библиотекарем в Омском сельскохозяйственном институте).

«КОЛОНИЗАЦИЯ, НО НЕ КОЛОНИЗАТОРСТВО»: ПОИСК НОВОЙ МОДЕЛИ КОЛОНИЗАЦИИ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТАРОЙ

После революции эксперты вновь вернулись к дискуссиям о соотношении процессов переселения и колонизации [25], дополнив ее категориями «колониализм» и «колониаторство» [26, с. 7 – 11; 27, с. 16 – 20; 28, 29]. Новая эпоха диктовала необходимость «возможно резче отгородиться от старого, при-

нять все меры к тому, чтобы... марка, фирма и вывеска старой «колонизации» не перешли на новые институции [30, с. 8].

Площадками для постановки и обсуждения колонизационных проблем, выработки научной доктрины и ее популяризации стали специальные секции Госколониата, его труды, сборники «Вопросы переселения и колонизации Сибири». Колонизационные тексты с начала 20-х гг. наполняются новыми теориями и понятиями, а их авторы, бывшие имперские эксперты, демонстрируют теперь не только профессиональные знания, широкий кругозор, но и владение марксистско-ленинскими источниками. Бесспорно, что для этого периода политико-экономический подход к колонизационным вопросам (или «подход по Марксу – Ленину») не был единственным. Н.А. Сборовский в историко-методологическом обзоре работы «Переселение и колонизация» выделяет также этногеографический, историко-хозяйственный, хозяйственно-технический, культурно-организационный, политико-юридический и еще ряд других¹⁰. Для него, как и для других экспертов той поры, работы европейских классиков политической экономии, исследователей внутренней и внешней европейской колонизации, сибирских областников и отечественных народников еще остаются равнодоступными источниками, активно используемыми в построении собственных концепций отечественной колонизации.

В качестве наиболее очевидного советского элемента колонизационного дискурса в работах экспертов может быть назван классовый подход, с помощью которого они и пытаются объяснить отличия дореволюционного переселения, колонизации и их новых советских «реплик». Декларируя советское переселение как «основной факт русской истории и государственного бытия», как способ развития производительных сил страны путем рационального, в интересах трудящихся, распределения населения по всей территории страны независимо от национальных границ», эксперты должны были показать его специфику в условиях уже «несамодержавной власти» [31, с. 126].

Основной претензией экспертов к дореволюционному переселению было использование этого инструмента в политических интересах власти для «укрепления помещичьего класса» и утеснения национальных меньшинств [31, с. 126 – 143]. Политическими, классовыми мотивами эксперты объясняли и сдерживание государством переселения во имя сохранения рабочих рук для помещиков, и напротив, его поддержку, чтобы «разредить» население и снизить число недовольных [32, с. 4]. Цель переселения влияла на качество «колонизационного материала» и не способствовала прочному водворению, развитию экономики региона.

Выход из этой ситуации был обозначен еще накануне Первой мировой войны: переселенческое движение предлагалось подчинить общему рацио-

⁸Чиркин Геннадий Федорович // Кольская энциклопедия. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=259567 (дата обращения: 01.11.2019).

⁹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 582. Оп. 2. Д. 17: Автобиография и биография А.А. Ярилова.

¹⁰ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 212. Л.2 — 4: Сборовский Н.А. Переселение и колонизация.

нальному плану комплексной колонизации, не только сельскохозяйственной, но и промышленной [33, с. 25 – 49; 34, с. 15 – 22; 35, с. 45 – 87; 36, с. 136 – 167]. Аграрное или сельскохозяйственное переселение и с народнической, и с марксистской позиций было оправданной мерой, но недостаточной. С народнических позиций переселение способствовало расширению народного крестьянского мелкого землевладения, с позиций марксистских – предполагало прогрессивную буржуазную эволюцию сельского хозяйства, его интенсификацию, «перескок от залежной к травопольной системе, минауя трехполье»¹¹.

Отличие переселения от колонизации заключалось в стратегических целях и характере. А. Успенский уточнял исторически меняющийся характер власти как «помещичье-торгашеско-военный» и выделял соответствующие этапы колонизации: земледельческий, промышленный, империалистический [26, с. 8]. Новая советская колонизация должна была стать «государственно-федеративной и экономически целесообразной ради скорейшего вовлечения в народно-хозяйственный оборот всего того, что «впусте лежит» [26, с. 7].

Колонизация определялась как более сложная многоаспектная «планомерная» система государственных мер, направленных на развитие или освоение территории с учетом потребностей самих окраин и в сочетании с общегосударственными интересами [21, с. 4]. Сведение колонизационных мероприятий к переселению оценивалось как один из принципиальных недостатков деятельности старорежимного Переселенческого управления [37, с. 42].

Конкретизируя стратегию государства на столыпинском этапе переселенческой политики, Н.А. Сборовский останавливается на двух позициях: выселении крестьян из Европейской России и «империалистическом оживлении» окраин¹². Парадоксальным образом империалистические тенденции в политике правительства, спровоцированные капиталистическими, индустриальными и торговыми интересами «командовавших классов», все же «оживляли» край, т. е. по-областнически оправдывали колонизацию, прежде всего, во имя будущей промышленности региона.

Теоретики «новой колонизационной науки» без примеси областничества любую колонизационную политику в капиталистическом обществе призывали оценивать как колониальную или колонизаторскую, т. е. «направленную на извлечение выгод из колоний в пользу метрополий» [19, с. 5]. В случае подмены интересов местного населения политическими потребностями государства или во имя лиц «коренного русского происхождения и православного вероисповедания» колонизация превращалась в «колонизаторство».

Провозглашенный государством принцип русификации окраин рассматривался как элемент колонизаторской, но не колонизационной политики. Причем

государственные усилия в этом направлении оценивались как нерезультативные. Русификация могла повлиять на способы перераспределения земельных участков, но она не имела законодательного основания, поэтому реализация данного принципа зависела от местных переселенческих организаций. Это позволяло фактически самостоятельно переселенческим структурам определять границы и масштабы давления на туземное население, но столь же усиливало и местную администрацию.

В качестве примеров окраин, которые государство пыталось русифицировать, В.П. Вошинин указывает на Степной край, Туркестан, бурятские земли Забайкалья, черноморское побережье Кавказа. На данных территориях государство, по его мнению, использовало переселение для «утеснения» национальных меньшинств или для достижения «политических, в национальном смысле этого слова эффектов» [31, с. 126]. В 1914 г. после поездки в Туркестан В.П. Вошинин как имперский эксперт поделился своими соображениями о плюсах и минусах русской колонизации в этом регионе [38]. Можно убедиться, что «советский Вошинин» вполне оправданно осуждал свое бывшее «имперское колонизаторство» со всеми ориенталистскими атрибутами: воспеванием «русского дела», прогресса и цивилизации, любованием «личиком молодой, веселой сартянки», «ослепительно сверкающим золотым крестом» в небе мусульманского края и гордостью за переселенческие школы и больницы [38, с. 23]. В 1926 г. В.П. Вошинин примет участие в составлении проекта орошения Голодной степи и будет осужден на 10 лет за вредительство и «за психологию давнего прошлого»¹³.

Активное участие государства, прежде всего, в законодательной и землеустроительной сферах критикуется экспертами с позиций незавершенности и нерализованности провозглашенных принципов. Так, принцип свободы переселения не подкреплялся соответствующим масштабом землеотводных работ. Свобода переселения как условие развития территории (во имя интересов колонизации окраин) уступала место интересам внутреннего землеустройства: земельный фонд разверстывался с учетом нужд малоземельных крестьян Европейской России. Невозможность контролировать масштабы переселенческого потока приводила к скоплению неустроенных «самовольцев», разрастающемуся «мертвому» фонду.

Н.А. Сборовский, как один из наиболее последовательных марксистов, критически относился к «казенным мероприятиям императорского правительства», административной неразберихе, неоправданной ведомственной секретности переселенческого дела, недостаточности средств, попыткам представить стройность и грандиозность этих мер перед Государ-

¹¹ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 212. Л. 42.

¹² Там же. Д. 12. Л. 12 – 34 об.

¹³ Из письма Т.А. Ельченковой (жена В.П. Вошинина) Е.П. Пешковой // Заклейменные властью. Услышь их голоса: URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000533.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

ственной думой. Признавая переселение важным государственным мероприятием, эксперты сетовали на недостаточное, не сопоставимое с огромными выгодами государственное финансирование [31, с. 126]. Слабым финансированием объяснялись «тяжкие недостатки» в агрономическом, дорожном, медицинском деле. Традиционным либеральным упреком бюрократическим структурам была также слабая связь с местным обществом, отсюда и непонимание его нужд.

Неэффективность власти виделась экспертам в неспособности контролировать переселенческий процесс, что приводило к преобладанию вольного или стихийного движения на всем имперском этапе. Вольнонародный характер промышленной, земледельческой колонизации не изменял итоговое состояние заселяемых территорий – «к середине XIX в. все Зауралье, степи и Туркестан оказались фактически колониями России» [31, с. 127]. «Колонизационное начало» в переселении как явление достаточно позднее В.П. Вошинин будет связывать с превалированием интересов прочного устройства новоселов на новых местах в заселяемой местности перед задачами удаления «неспокойных» элементов из малоземельного центра.

Досоветская колонизационная политика не исключала элемент плановости или планомерности, поскольку также имела «совершенно определенные хозяйственные задачи в отношении колонизируемой области и была подчинена выработанному плану организации народного хозяйства» [19, с. 4]. К элементам планового переселения эксперты относили рациональное землеустройство, мелиоративные и другие мероприятия, направленные на формирование «оптимальных», желаемых форм и размеров хозяйств. Отрицать наличие этих черт в «старорежимном переселении было сложно, поэтому умалялась степень планомерности в условиях классового общества с его «свободной игрой экономических интересов». Только при устранении классовых противоречий и «социализации жизни», «по мере роста власти пролетариата, как последнего, восходящего социального класса и гробовщика классового общества», возможным представлялось «торжество идей плановой организации народного хозяйства и планомерной организации территории, в том числе и колонизационной» [19, с. 5].

При всем том даже у самых последовательных критиков имперской колонизации практически не возникло претензий к собственно переселенческой организации, которая «в местах водворения оказывала новоселам всестороннюю сельскохозяйственную (предметную и инструкторскую) и вообще снабженческую помощь, ведала общим устройством поселков, организовывала санитарное и медицинское обслуживание, транспорт и даже пути сообщения, ... выдавала ссуды на домообзаводство...», отводила участки [31, с. 129]. Непосредственные исполнители «казенных технических мероприятий» – «колонизаторы» (переселенческие чиновники, межевщики, агрономы и прочие) – не являлись в колонизационных схемах

экспертов представителями или служителями эксплуататорских классов.

Основные мероприятия Переселенческого управления были направлены на удовлетворение «крайне изменчивых запросов переселенческого движения», выполняемых в экстремальных условиях с минимальными затратами. Переселенческое дело поэтому и признавалось прогрессивным как направленное на буржуазную эволюцию (хотя и помещичьего типа) и среди прочих отраслей административно-государственного хозяйства характеризовалось как «золотая лебединая песня буржуазно-помещичьей земельной политики старой эпохи»¹⁴. Значение старой «колонизационной команды» показано Сборовским не только в реализации замыслов центра, но и в создании новационных планов по увеличению колонизационного фонда Сибири, «разрешению колонизационно-фондового кризиса». Роль местных переселенческих организаций также определялась социальными функциями, компенсирующими отсутствие земских учреждений.

Новые планы советские эксперты писали со ссылками на старые экспедиционные материалы и еще не решенные, но выдвинутые в довоенный период идеи заселения колонизируемых регионов «надлежащим контингентом», организации плановой, рациональной колонизации, в том числе труднодоступных районов, «сверхмагистрализации», социально-культурного и хозяйственно-экономического их развития. В проекте генерального плана колонизации Сибирского края на 15 лет (с 1926 по 1941 г.) высказывалось предположение о том, что советская колонизация, осуществляемая силами и средствами советской переселенческой организации, не будет «стоять ниже той, которую проводила старорежимная власть»¹⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на чрезвычайно сложные послереволюционные условия, Гражданскую войну и ее последствия, колонизационные планы 1920-х гг. можно считать продолжением довоенного периода колонизации (начало 1890-х гг. – 1914 г.). С конца 1920-х начинается последовательный отказ от выработанных базовых принципов. Классовый подход будет исполнен в программе принудительного выселения кулаков, а провозглашенный поворот «лицом к окраинам» реализован в классическом колониальном варианте прокормления «оскудевшего центра». Практически оправданная в 1920-е гг. колонизационная лексика будет вытеснена в капиталистическое прошлое и внешнее империалистическое окружение Советской России. Для внутреннего пространства советского настоящего будут использоваться нейтральные понятия: заселение, освоение, миграция.

Критика дореволюционной колонизационной политики с классовых позиций как империалистической / колонизаторской / русификаторской не умаляла призна-

¹⁴ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.

¹⁵ Там же. Д. 172. Л. 1 – 2. Проект генерального плана колонизации Сибирского края на 15 лет с 1926 по 1941 г.

ния эффективности переселенческих структур, плодотворного труда участников «живого переселенческого» дела. Основные элементы критики, как и необходимые новации (переход от переселения к колонизации, регулирование народной стихии и комплексное планирование, отбор качественного колонизатора), были предложены еще на довоенном этапе и рассматривались экспертами в качестве завершения неоконченных из-за войны программ. Особые экономические и политические условия реализации раннесоветских колонизационных проектов усиливали общегосударственные приоритеты (восстановления и сохранения Советской России) в ущерб интересам регионов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-01-00446 «Колонизационные эксперты между империей и советской властью».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Занданова Л.В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. № 1. С. 27–45.
2. Моисеев В. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 3. С. 87–141.
3. Рынков В.М. Переселение, колонизация, спасение голодающих: проекты и реалии переселенческой политики первого послереволюционного пятилетия (1918 – 1922 гг.) // Проекты освоения и развития Сибири в XX веке. Новосибирск, 2013. С. 108–137.
4. Земельные органы Сибири в 1920-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2015. 608 с.
5. Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. д-ра ист. наук. Томск, 2016. 696 с.
6. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. 283 с.
7. Волошинова И.В. Переселенческая политика советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук СПб., 2002. 200 с.
8. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи [1700 – 1917]: сб. статей. М., 2010. С. 105 – 149.
9. Holquist P. «In accord with state interests and the people's wishes»: The technocratic ideology of imperial Russia's resettlement administration // Slavic rev. Urbana-Champaign, 2010, Vol. 69, N 1. P. 151–179.
10. Масаэро А. Колонизация в поздней имперской России: история понятия // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск, 2016. С. 340–365.
11. Чуркин М.К. Институт имперских экспертов в колонизации Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.): факторы становления и эволюции // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 2. С. 63–69. DOI: 10.15372/HSS20190212
12. Ярилов А.А. Колонизация и использование природных богатств как основные предпосылки дальнейшего развития России: Отчеты по обследованию природных районов Северных железных дорог. М., 1921. Вып. 5. 39 с.
13. Старков П. Переселение в Сибирь за время империалистической войны и революции (1914 – 1925 гг.) // К вопросу о колонизации Сибири: сб. ст. по ред. В. Лаврова. Новосибирск, 1926. С. 29–37.
14. Кауфман А.А. Автобиография / публ. и прим. Д.Я. Майдачевского // Историко-экономические исследования. 2015. Вып. 16, N 1. С. 151–180. DOI 10.17150/2308-2588.2015.16(1).151-180
15. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. 376 с.
16. Сборник материалов по колонизационным обследованиям Севера. Пг.: Ред.-изд. комитет Народного комиссариата земледелия. Пг., 1922. 63 с.
17. Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 1. 400 с.; 1926. Т. 2. 189 с.
18. О земле: сб. ст. об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. М., 1921. Вып. 1. 192 с.
19. Ямзин И.Л., Воицинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М., 1926. 330 с.
20. Размышление о науке: Из эпистолярного наследия профессора А.А. Ярилова / Публикация и примечание Ю.М. Соловьева // Вестн. Рос. акад. наук. 1993. Т. 63, № 10. С. 909–912.
21. Яхонтов А.П. Переселение и колонизация: Конспект лекций, читанных на землеустроительных курсах в 1924 году. Харьков, 1925. 105 с.
22. Стенографический отчет Первого Всероссийского совещания работников по переселенческому делу (28 февраля – 5 марта 1927 г.). М., 1927. 54 с.
23. Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922–1950-е гг. М., 2017. 238 с.
24. Животова А.Н., Хажеева И.В. Судьбы репрессированных в 1930-е годы преподавателей, студентов и сотрудников Тюменского пединститута // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2015. № 3 (178). С. 4–9.
25. Успенский А.В. Прошлое и будущее колонизации // О Земле: сб. стат. об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. М., 1922. Вып. III. С. 7–11.
27. Воицинин В. О термине «Колонизация» // О Земле: сб. стат. об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. М., 1922. Вып. III. С. 16–20.
28. Гримм Э.Д. Основные типы миграционно-колонизационных процессов, их происхождение и характер // Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 1. С. 34–49.
29. Арнольдов А.М. Колонизация, но не колонизаторство (К вопросу о принципах колонизационной работы в СССР). Л.; Петрозаводск, 1927. 20 с.
30. Ярилов А.А. Пути колонизационного строительства // Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. I. С. 3–8.
31. Воицинин В. Переселение // О земле: сб. стат. о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. [Б.м.], 1921. Вып. I. С. 126–143.
32. Большаков М.А. Современное переселение. М., 1924. 52 с.
33. Чуркин Г.Ф. О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 25–49.
34. Симонов М.И. О направлении колонизационной деятельности в ближайшем будущем, речь, сказанная в Общем собрании Государственной думы // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 15–22.
35. Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 45 – 87.
36. Журналы комиссий: По вопросам переселения и колонизации // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 136–167.
37. Труды съезда по вопросам колонизации Севера // Сборник материалов по колонизации Севера. 1922. № 3. С. 1–63.
38. Воицинин В.П. Очерки нового Туркестана: свет и тени Русской колонизации. СПб., 1914. 86 с.

REFERENCES

1. Zandanova L. V. The main stages of forming the Soviet resettlement policy and resettlement bodies. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 2007, no. 1, pp. 27–45. (In Russ.)
2. Moiseenko V. Peasant resettlement in the 1920s (the history of migration in Russia). *Demograficheskoe obozrenie*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 87–141. (In Russ.)
3. Rynkov V. M. Relocation, colonization, saving the starving: projects and realities of the resettlement policy of the first post-revolutionary five-year period (1918–1922). *Proekty osvoeniya i razvitiya Sibiri v XX veke*. Novosibirsk, 2013, pp. 108–137. (In Russ.)
4. Il'inykh V.A., Martynova Y.G. (eds.) Land authorities of Siberia in the 1920s: a documentary-monographic publication. Novosibirsk, 2015, 608 p. (In Russ.)
5. Belyanin D. N. The state policy of agrarian-peasant migrations to West Siberia in 1861–1917: dissertation. Tomsk, 2016, 696 p. (In Russ.)
6. Platonov N. I. The resettlement policy of the Soviet state and its implementation in the USSR (1917 – June 1941). Tomsk, 1976, 283 p. (In Russ.)
7. Voloshinova I. V. Migration policy of the Soviet state in the 1920s-1930s in Russian historiography: dissertation. Saint Petersburg, 2002, 200 p. (In Russ.)
8. Sunderland V. The Ministry of Asian Russia: The Colonial Office that Never Was but might have been. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoy imperii [1700–1917]*. Moscow, 2010, pp. 105–149. (In Russ.)
9. Holquist P. «In accord with state interests and the people's wishes»: the technocratic ideology of imperial Russia's resettlement administration. *Slavic Review*, 2010, vol. 69, no. 1, pp. 151–179.
10. Masaero A. Colonization in late imperial Russia: the history of the concept. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, 2016, pp. 340–365. (In Russ.)
11. Churkin M. K. The Institute of Imperial Experts in the Colonization of West Siberia and the Steppe Krai (the second half of the XIX – early XX centuries): factors of formation and evolution. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, no. 2, pp. 63–69. DOI: 10.15372/HSS20190212. (In Russ.)
12. Yarilov A. A. Colonization and use of natural resources as the main prerequisites for the further development of Russia: reports on the survey of natural areas of the Northern railways. Moscow, 1921, vol. 5, 39 p. (In Russ.)
13. Starkov P. Relocation to Siberia during the imperialist war and revolution (1914–1925). *K voprosu o kolonizatsii Sibiri*. Novosibirsk, 1926, pp. 29–37. (In Russ.)
14. Kaufman A. A. Autobiography. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2015, iss. 16, no. 1, pp.151–180. DOI: 10.17150/2308–2588.2015.16(1).151-180. (In Russ.)
15. Tatishchev A. A. Lands and people. In the thick of the resettlement movement (1906–1921). Moscow, 2001, 376 p. (In Russ.)
16. Collection of materials on colonization surveys of the North. Petrograd, 1922, no. 3. 63 p. (In Russ.)
17. Proceedings of the State Colonization Research Institute. Moscow, 1924–1926. 1924, vol. 1. 400 p. ; 1926, vol. 2. 189 p. (In Russ.)
18. About land: a collection of papers on using free land in the national economic turnover. Iss. 1. Moscow, 1921, 192 p. (In Russ.)
19. Yamzin I. L., Voshchinin V. P. The doctrine of colonization and resettlement. Moscow, 1926, 330 p. (In Russ.)

20. Yarilov A.A. Reflection on science: from the epistolary heritage of Professor A.A. Yarilova with notes by Yu. M. Soloviev. *Vestnik Rossiiskoy akademii nauk*, 1993, vol. 63, no. 10, pp. 909–912. (In Russ.)
21. Yakhontov A. P. Resettlement and colonization: lectures given at Land Management courses in 1924. Kharkiv, 1925, 105 p. (In Russ.)
22. Verbatim report of the First All-Russian meeting of resettlement workers (February 28 – March 5, 1927). Moscow, 1927, 54 p. (In Russ.)
23. Kurenyshev A. A. Agricultural intelligentsia and power during the Stalinism era. 1922–1950s. Moscow, 2017, 238 p. (In Russ.)
24. Zhitovaya A. N., Khazheeva I. V. The fate of teachers, students and employees of the Tyumen Pedagogical Institute repressed in the 1930s. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3, pp. 4–9. (In Russ.)
25. Sunderland W. An empire without imperialism? The ambiguous nature of colonization in Tsarist Russia. *Am Imperio*, 2003, no. 2, pp. 101–114.
26. Uspensky A.V. The past and future of colonization. *O Zemle: sbornik statey ob ispol'zovanii v narodno-khozyaystvennom oborote svobodnykh zemel'*. Moscow, 1922, iss. 3, pp. 7–11. (In Russ.)
27. Voshchinin V. On the term “colonization”. *O Zemle: sbornik statey ob ispol'zovanii v narodno-khozyaystvennom oborote svobodnykh zemel'*. Moscow, 1922, iss. 3, pp. 16–20. (In Russ.)
28. Grimm E. D. The main types of migration-colonization processes, their origin and nature. *Trudy Gosudarstvennogo kolonizatsionnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Moscow, 1924, vol. 1, pp. 34–49. (In Russ.)
29. Arnoldov A. M. Colonization, but not violent colonization (an issue of the colonization activity principles in the USSR). Leningrad, Petrozavodsk, 1927, 20 p. (In Russ.)
30. Yarilov A. A. Ways of colonization. *Trudy Gosudarstvennogo kolonizatsionnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Moscow, 1924, vol. 1, pp. 3–8. (In Russ.)
31. Voshchinin V. Resettling. *O Zemle: sbornik statey ob ispol'zovanii v narodno-khozyaystvennom oborote svobodnykh zemel'*, 1921, iss. 1, pp. 126–143. (In Russ.)
32. Bol'shakov M. A. Modern resettlement. Moscow, 1924. 52 p. (In Russ.)
33. Chirkin G.F. On the colonization-cultural tasks after the war. *Voprosy kolonizatsii*, 1916, no. 18, pp. 25–49. (In Russ.)
34. Simonov M. I. On the direction of colonization in the near future, a speech delivered at the General Assembly of the State Duma. *Voprosy kolonizatsii*, 1917, no. 20, pp. 15–22. (In Russ.)
35. Tresvyatsky V. The results of the resettlement business in the Urals for the decade, 1906–1916. *Voprosy kolonizatsii*, 1917, no. 20, pp. 45–87. (In Russ.)
36. Commissions Magazines: relocation and colonization issues. *Voprosy kolonizatsii*, 1917, no. 20, pp. 136–167. (In Russ.)
37. Proceedings of the congress on the North colonization. *Sbornik materialov po kolonizatsii Severa*. Moscow, 1922, no. 3, pp. 1–63. (In Russ.)
38. Voshchinin V. P. Essays on New Turkestan: light and shadows of Russian colonization. Saint Petersburg, 1914, 86 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 28.12.2019
Статья принята
к публикации 20.01.2020